

★ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР ★

СВЕТЛАНА ГЕРАСИМОВА
БОРИС ГОРБАЧЕВСКИЙ
ХОРСТ ГРОССМАН

РЖЕВское ПОБОИЩЕ

★
ТРИ БЕСТСЕЛЛЕРА
ОДНИМ ТОМОМ!

Борис Семенович Горбачевский

Ржевская мясорубка

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2150435
Ржевское побоище. Три бестселлера одним томом!: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-43621-7*

Аннотация

Ржевское побоище глазами его непосредственных участников и современных историков! Вся правда об одном из самых кровавых и длительных сражений Великой Отечественной, которое продолжалось в общей сложности около 15 месяцев и унесло более двух с половиной миллионов жизней – больше, чем Сталинград! Немцы не зря величали Ржев «краеугольным камнем Восточного фронта» и «воротами на Берлин», красноармейцы окрестили эту грандиозную беспощадную битву «прорвой», «бойней» и «Ржевской мясорубкой», а историки считают ее «крупнейшим поражением Жукова». Наверное, самые пронзительные фронтовые стихи: «Я убит подо Ржевом...» написаны именно об этой трагедии. Почему Ржевское побоище было фактически предано забвению в СССР? Почему так и не удалось окружить и уничтожить в районе Ржевско-Вяземского выступа группу армий «Центр»? Кто виноват в том, что немецкие войска вырвались из «мешка», который так и не был «завязан»? И есть ли основания возлагать ответственность за эту «потерянную победу» на Г. К. Жукова? В данной книге вы найдете ответы на все эти вопросы.

Содержание

Глава первая	4
Первые опыты фронтовой жизни	4
Дядя Кузя	6
Маврий	8
Вверх-вниз	10
Глава вторая	12
В артиллерийской батарее	12
Боевые учения	14
Начальство – в забыты	16
Я – делегат	18
Жаловаться в армии не положено	20
Глава третья	22
Фронт лихорадит	22
О фронтовых комдивах	24
Комдив 215-й дивизии – Куприянов	25
Скоро – наступление	27
Приказ № 227	29
Комдив и курсанты	31
Комроты старший лейтенант Сухомиров	33
Ночь перед выходом на рубеж	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Борис Горбачевский

Ржевская мясорубка

Глава первая

Бивак

Июнь 1942 года

Первые опыты фронтовой жизни

Мне нет и двадцати, море мне – по колено, могу пройти тридцать и больше километров марша – хоть днем, хоть ночью, и с полной выкладкой! Мы движемся в зоне фронтовой полосы; нам, курсантам, чуть легче, чем остальным. Бойцы шутя называют себя «обмоточным воинством», с завистью поглядывают на наши сапоги. Их солдатские ботинки – уже не первой молодости, не выдерживают даже легкой сырости, а погода не балует, многие красноармейцы постоянно с мокрыми ногами.

Во время маршей, особенно ночных, я, как и другие молодые солдаты, помогаю не очень здоровым и старым бойцам. Слово «старый» не нужно понимать буквально. В «стариках» ходили и просто бывалые солдаты, и те, кому лишь немногим больше тридцати-сорока – для нас они были уже старики. Мы старались забрать у них винтовку или вещмешок, на привалах – подложить торбу под ноги, принести воды для питья или освежить лицо, подменяли в ночном карауле... На войне такая вроде бы небольшая помощь рождала фронтовое братство. Какой-то весельчак придумал лозунг: «Солдаты всех возрастов, объединяйтесь!» Мы и объединялись. Да еще как! И дорожили этим неписанным правилом. Это облегчало трудную армейскую жизнь, сближало людей и радовало, поднимало воинский дух, а главное, укрепляло веру в доброту, в которой всегда нуждается человек, а на войне – особенно.

Неожиданно нам объявили:

– Встать лагерем!

Мы дошли. Но куда?

Не успели сбросить с плеч вещмешки, новая команда: «Вырыть укрытия!» – то есть глубокие щели на случай воздушного налета: вроде бы вблизи замечена «крама» – немецкий самолет-разведчик.

Это было первое напоминание о фронте.

Лес, куда нас привели, встретил ласково. Прошел легкий дождик, воздух стал чище, свежее, пахло хвоей, распевали птицы. Солнце пробивалось сквозь пышные кроны деревьев, трава, еще невысокая, украсилась первыми весенними цветами – белыми, голубенькими, желтыми, и такими крохами, что еле разглядишь под ногами. Мы полной грудью вдыхали запахи мягкой весенней земли, восхищались царством берез, не могли наглядеться на многоцветные ковры лесных полян. На фронте я в полной мере оценил и полюбил природу. Особенно лес. Лес – великий друг фронтовика. Как без него соорудить блиндаж? Погреться у костра в морозную стужу? Как высушить шинель, сапоги? Как настелить дорогу? Порой он и накормит получше повара! Все радовались лесу, но особенно – деревенские:

– В лесу на душе все так правильно, вроде и не на – фронте.

– Добруха-то какая... Сейчас бы бабу да чарку! Помереть опосля не жалко.

Дождик наполнил водой лесные канавки – курсанты бросились к воде, припали губами. Бывалые солдаты силой отгаскивали нас: кто знает, где подстерегает отрава? Не

забыть один трагический эпизод (он случился немного позднее): новобранцы охотно поддались уверениям «опытного грибника», насобирали грибов, наварили – и отравились. Семеро ребят расстались с жизнью!

Сейчас лес наполнился шумом, перекрикиваниями, командами. Солдаты, как умели, сооружали шалаши из деревьев, еловых веток – для ночевки и от дождя. Готовили площадки для полевых кухонь. Два взвода сразу откомандировали мостить дорогу от лагеря к большаку: саперными лопатками они рубили ветки, складывали их в четыре яруса слоями – попеременно вдоль и поперек, а сверху, чтобы все это придавить, укладывали толстые деревья, подбирая одного диаметра. Трудились все с азартом! И вот на большаке показались долгожданные полуторки и десятка три повозок – они везли харч!

Но проехать несколько сот метров до леса колонне оказалось не под силу. Почва, обильно насыщенная влагой, сразу глубоко осела, поглотив сооруженную дорогу. Первыми на раскисшей как кисель дороге увязли полуторки, доверху нагруженные ящиками и мешками. За ними осели повозки и лошади. Все бросились на помощь. Одни тащили машины, впрягаясь в веревки, подпирая плечами, подталкивая, но моторы то и дело глохли; с того дня полуторки окрестили «первой пятилеткой». Другие вытаскивали из болотной жижи повозки и лошадей, утопавших по брюхо в липкой грязи. Облегчая обоз, взваливали на плечи тяжелые мешки, ящики, и вдвоем, а то и втроем, еле вытягивая ноги, выбирались с грузом на твердь. Если кто начинал ворчать, тут же выговаривали: «Не к теще на блины приехал!» Это уж точно!

Первый наш фронтной ассортимент состоял из банки американской тушенки – на восьмерых, крупной рыбины холодного копчения – на пятерых, и на каждого – два сухаря, три столовые ложки пшена, два кусочка сахара и горстка соли. Также выдали по пачке махорки на троих. Табаку бойцы особенно радовались: «Царский подарок!» Зашуршали газеты, задымили самокрутки, учили и меня сворачивать сигарку из кусочка газеты. Прессу нам доставили раньше, чем продукты.

С охотой принялись за приготовление еды. Воду зачерпывали котелками из канав – она уже отстоялась, стала прозрачной, на дне просвечивали иссохшие корни, кусочки коры, ветки. Меню на обед у всех одно: похлебка. С азартом и шумом открывали тушенку, толкли сухари для заправки...

– Тихо! Прекратите шум! – вдруг завопил кто-то из курсантов.

Ему померещилось, что немец-пилот в небе может услышать хруст сухарей. Поднялся хохот.

Тушенку, растертые сухари разложили по котелкам с водой, а я еще добавил голову рыбины, доставшуюся мне при дележке на пятерых. И приступили к самой трудной операции – сооружению очага. Многие понятия не имели, как это делать, с чего начать. Вот тут-то и пригодилось правило, которому нас учили: делай, как я! – все следовали примеру умельцев. Я тоже очистил от коры шесть толстых веток, обрезал их по концам; по две, скрестив, надежно воткнул в землю по обе стороны костра, уложил на них две оставшиеся палки. Удивляло, сколько нужно опыта и сноровки для такого, казалось, простого дела. А делать все нужно было с умом. Крестовины должны находиться на должном расстоянии от огня, чтобы не загорелись; палки для перекладки, по той же причине, – на определенной высоте и должны быть покрепче, так как обязаны выдержать вес полного котелка, а то и двух, как у меня: я повесил и свой, и Юркин. Сделаешь что-то не так, тут же последует расплата: котелок накренится и зальет огонь, а может и сорваться в очаг.

Дядя Кузя

Все этапы приготовления еды я взял на себя. Юрка не возражал. Особенно после того, как услышал, что я не впервые берусь за поварское дело, а лес знаю – не хуже лесника. На самом деле это было чистой воды бахвальство. Что сразу же стало очевидно, как только я принялся за костер: мне никак не удавалось его разжечь. Юрка потешался, но не вмешивался в мои хлопоты. Лежа на земле, я изо всех сил пытался раздуть огонь, жег спичку за спичкой. Безуспешно. И вдруг услышал за плечами незнакомый, чуть насмешливый голос:

– Эх и неумехи вы, курсанты.

Я выпрямился и обернулся. Возле меня стоял ротный старшина. Крепко сложенный, в волосах седина, лицо открытое, ноги по-кавалерийски кривые. На гимнастерке блестит медаль «За отвагу» – в то время немногие были награждены этой почетной солдатской наградой. Я уже видел этого человека, к нему почему-то никто не обращался как положено – «товарищ старшина», предпочитали по-семейному – «дядя Кузя».

Старшина попросил меня отойти, проверил прочность сооружения и в одну минуту разжег огонь. Объяснив, как это делать, дядя Кузя удивился:

– Как же вас в училище не научили разводить костер, а хоть бы и без спичек? Откуда вы?

Показав на Юрку, я ответил:

– Курсант Давыдов с Урала, а я – подмосковный. Может, слышали про такое место – Кусково?

Дядя Кузя рассмеялся, улыбка была широкой и доброй:

– Мы, брат, с тобой вроде бы земляки. Я жил на две станции ближе тебя – платформа «Серп и Молот», слышал про такую? За ней Чухлинка, потом Карачарово и уж твое Кусково. Так, курсант?

Уютно устроившись у огня, мы еще долго просидели вместе. Старшина коротко рассказал о своей жизни. Почти пятнадцать лет он проработал завхозом в детском садике при заводе «Серп и Молот».

– Бездетные мы с женой, потому всех детишек признавал я своими, а они меня звали «дедулей». Как немец подошел к Москве, сформировали из заводских свой батальон. В бой пошли с учебными винтовками. Наши почти все полегли у Бородинского поля, а я вот живой...

Приглядываясь к нашему собеседнику, слушая его неторопливую речь, я старался понять, кого же он напоминает мне? Долго мучиться не пришлось. Ну конечно же – вылитый лермонтовский Максим Максимыч. Тот же облик, такой же соvestливый, доверчивый; не службист, но дело свое знает, может, получше иных высоких чинов. Всего-то знакомы какой-нибудь час, а уже ясно: будь все старшины такими, как он, насколько легче жилось бы солдатам. Я вытащил из вещмешка блокнот и стал записывать свои впечатления.

Дядя Кузя вдруг забеспокоился, взгляд сделался настороженным:

– Ты, брат, чего пишешь, или роман какой?

– Нет, я веду дневник. Знаете, столько событий, интересных людей, хочу и про нашу встречу записать.

Дядя Кузя заговорил тихо, но чуть ли не приказным тоном:

– Ты, брат, это брось! На войне не положено никакой писанины – хоть ты рядовой, хоть генерал. До большой беды довести может. Такие люди есть, что зорко глядят. – И добавил уже громким голосом: – Ты вот что, выбрось из головы свою затею, поначалу воевать научись, уж потом и записывай. Сию минуту брось сюда все бумажки да угли повороши.

Очень мне было жалко своих записей, но Юрка поддержал старого солдата:

– Послушай доброго совета, старшина знает, что говорит.

И полетели мои листочки в огонь. Зачем я согласился?! В одно мгновение погибла моя мечта вести фронтовой дневник.

Известно, память человеческая – вещь хрупкая. Позже я пожалел о содеянном. Но, как гласит древняя поговорка: что ни делается, все к лучшему, – и вскоре мне явилась мысль записывать советы фронтовиков, сразу вспомнился эпитафия к «Капитанской дочке»: «Береги честь смолоду», – решил, он и мне подойдет, ведь советы эти прежде всего нужны нам, молодым, еще неопытным. И стал я внимательнее вслушиваться в разговоры солдат, не ленился сразу записывать их афоризмы, и к концу войны у меня составилась своеобразный «Свод правил поведения солдата». Ему будет посвящен отдельный рассказ.

Подоспел обед, и я пригласил дядю Кузю отведать моей первой фронтовой стряпни.

– Попробовать – попробую, – охотно согласился он, – спасибо за внимание.

Обед получился чудный! Вероятно потому, что в суп я положил рыбью голову – надо же, как удачно получилось, что она досталась именно на мою долю! Я черпал из котелка похлебку, вслушивался в безмятежный шум леса и испытал, как это ни смешно, какое-то необычайно нежное чувство к супу: вдруг вспомнилось, как кормили меня в детстве – «за маму, за папу, за бабушку, за дедушку» – и дитя покорно терпело «противный» суп. А нынешний суп – это не просто предмет моей поварской гордости, это нечто более значительное – серьезный шаг в самостоятельную жизнь. Напишу домой о своем первом фронтовом обеде!

Дядя Кузя похвалил мой суп, что еще более повысило мою высокую оценку собственного творения. Мы еще немного поговорили и расстались.

Я и представить не мог, как много значит встреча с этим удивительным человеком для всей моей дальнейшей фронтовой жизни. Чему только он не научил нас, молодых, – курсантов и новобранцев! И как лучше пользоваться штыком и саперной лопаткой, и как разжечь костер на сильном ветре или под дождем, как использовать рельеф местности, чтобы скорее и безопаснее добраться до противника. Его советы охватывали столь многое: от разумной упаковки вещмешка – до умного и умелого поведения в бою. Подробно и терпеливо он объяснял нам фронтовые премудрости – например, как можно спать на ходу, когда валишься с ног во время долгих ночных маршей: два солдата держат под руки и ведут третьего – спящего, чтобы он не наткнулся на препятствие или не свернул в канаву.

– Разумеется, надо заранее освободить его от оружия, – втолковывал дядя Кузя. – Затем меняетесь. Ничего мудреного: ноги идут, а ты себе спишь, голова отдыхает.

«Ничего мудреного»! Так почему же эти знания и опыт нам не преподали в училище?! Зато нас научили, как вести себя по уставу при встрече с начальством: сначала положено поприветствовать и только потом представиться. Смертельно важно! – на плацу да на кумачовой дорожке начальственного коридора.

Фронтовая жизнь быстро развела нас, и до конца войны я ничего не знал о старшине, даже погиб он или остался в живых. В конце сорок шестого – я только распрощался с армией – однажды в телефонной трубке раздался спокойный глуховатый голос, я сразу узнал его: дядя Кузя! Он разыскал меня и пригласил на семейный юбилей – серебряную свадьбу. Я поехал и испытал радость от встречи с удивительно мудрым и добрым человеком.

Где-то в конце 50-х годов позвонила его жена и сообщила печальную весть: муж внезапно скончался от инфаркта. Я поехал на похороны. Ехал я на электричке, до платформы «Серп и Молот», как и говорил дядя Кузя, и по пути только что не молился. Как я благодарен судьбе! Как же часто мне везло на добрых людей, и всегда они появлялись в самое нужное время, словно их посылала мне какая-то добрая волшебная сила. Вот и дядя Кузя... Сколько жизней спас этот человек своим душевным вниманием, добрыми советами!..

Маврий

Собрались спать; завтра особый день – встреча с командирами и определение всех в строй. Внезапно к нам подошел невысокий белобрысый совсем юный солдатик – гимнастерка и брюки висели на нем, как на вешалке. Попросив разрешения, он подсел к затухающему костру и сразу заговорил:

– Вы вроде бы грамотные, в сапогах, а мы – обмоточники, как мой тятя на Первой мировой, потараторим маленько. Я сам мордвин, четыре класса кончил, телеги чинил в колхозе, уважали деревенские. Маврием зовут. Так вот, завтра, глядишь, разберут всех кого куда, расстанемся, и поведут убивать. Так вот: как мне поступать? Мы верующие, папаня и маманя за веру дважды на Севере побывали. Так вот, привезли нас на человекобойню – так тятя окрестил ЭТО, мол, как иначе ЭТО назвать? Так вот: как же так – стрелять в человека? Нам вера не позволяет.

Тут Юрка резко сказал:

– Немец – не человек, а фашист, убийца. Знаешь ты это, солдат? Чего его жалеть!

– Так-то говорят... А разве фашист не живое существо?

– Вот тебе на! Все мы станем стрелять в противника, а ты в воздух?

– Выходит так-то.

– Да тебя, живое существо, судить следует. Ты это понимаешь?

– Так-то...

– Что же ты думаешь?

– Себя бы прихлопнул. Опять же... вера не позволяет. – Казалось, еще минута, и он захлопает.

Да держал ли этот солдат винтовку в руках? Может, и его перед фронтом на палках учили, мы уже слышали о таком от новобранцев. Зачем он обратился к нам? Захотел исповедаться? Посоветоваться, найти ответ на раздиравшие душу сомнения? Видно, страшно показалось говорить о таком с командиром, с товарищами. Впервые в жизни я встретил религиозного человека, мне даже жалко его стало, захотелось помочь – но как? Мы же, черт возьми, все в одной упряжке, для всех нас сегодня первый фронтовой день.

Юный солдатик сильно нервничал, искал необходимые слова, стараясь получше объяснить свои переживания, моляще глядел на нас:

– Так вот, как мне быть? Я на вас надежду положил. Тятя учил: «Приедешь на войну, Маврий, учуешь доброго человека – доверься ему: мол, так и так, – и проси совета».

– Вот-вот! – сказал Юрка, похлопав его по плечу. – Держи язык за зубами, солдат, – вот мой главный совет. Поступай как знаешь, не маленький, но запомни: попадешь к фашистам – они с тобой церемониться не станут, быстро прихлопнут, не сомневайся.

Неожиданно Маврий потянулся к Юркиной руке – ну и дела! Видно, хотел поцеловать, но Юрка вовремя отстранился и сделал вид, что ничего не заметил.

Маврий стал рассказывать о своем роде:

– Папаня семью в строгости держал, так-то говорил: «Трудись сызмальства, Маврий. Не ной, ты не баба. Не болтай зазря. Не вой на тяжбы голода и холода – терпи. Крестьянская жизнь – не мед, но не изменяй ей, в нашем роду она заведена была еще дедами. Но в обиду себя не давай. Живи по-людски. Главное, веру не забывай. Без нее пропадешь!» Так-то. А у нас во взводе русских мало, почти одни турки (видимо, узбеки): молчат или молятся своему богу да изюм едят. Набрали из дома полные мешки, сами едят, а нам – по пять изюминок в день, и те считают. Злыдни, в деревне таких – под лед головой.

Я вмешался в его монолог:

– Ну нет уж, Маврий, тут ты не прав, нехорошо «под лед головой». Ты же видел: они не варили выданные продукты, ели сырыми, потому, наверно, и дорожат остатками изюма. Может, им вообще наша еда не подходит. Люди разные, и вера у них разная, но не бывает человека без доброты.

Юрка тут же отозвался:

– Я не уверен. А немец-бандит?

Маврий спросил:

– К чему призывает турков ихний бог, станут они воевать?

Юрка усмехнулся:

– Что ж, Маврий, сам с ними не потараторил – глядишь, и среди них унюхал бы доброго человека?

– Я-то похлопотал, да без толку – не тараторят они по-нашенски и я ихней речи не разумею.

– Как же командиры учить их будут?

– Так на то толмачи пригодны.

– Я так думаю, – сказал Юрка. – На фронте, как и в деревне, жизнь не мед. Вот и будем воевать по правилам твоего отца: «Не вой. Терпи. Не изменяй». Так-то и будем верны присяге.

– Так-то правда. Ладные вы. Может, еще и встретимся. От души вам – за хлопоты да угощение.

Маврий поднялся. Два шага, и растворился в ночи.

Да, верующим всем нелегко, а узбекам во много раз труднее. Все мы всего один день на фронте, а сколько уже сложностей. Примерно через полгода во время боев за Ржев в соседней части произошел забавный случай. На переднем крае пропал с поста солдат-узбек: стоял с ружьем, а потом исчез. Подумали, что перебежал к немцам. На следующий день к вечеру он приполз живой и невредимый, в кармане записка на русском языке: «Нам такой «язык» не нужен. Возвращаем обратно».

Ночь выдалась теплая. Мы с Юркой всегда вместе, но сегодня разговор не клеился, все мысли – о завтрашнем дне. Понимая, что это, возможно, последний наш «философический разговор», как мы называли свои беседы, я спросил:

– Как думаешь, скоро на передовую? Что мы знаем о противнике?

И сразу почувствовал, что Юрка в дурном настроении.

– Ты задал два вопроса. На первый, наверно, лучше, чем я, ответил бы тебе тараторщик, он часто общается с богом. А на второй ты сам знаешь ответ. Как учил «вонючий цитатник»: «Немцы – фашисты, убийцы, мародеры, насильники, гитлеровские головорезы...» Он политрук, ему виднее.

– Юрка, но ведь не все немцы – фашисты, у них же самая крупная компартия в Европе! Куда делись их коммунисты?

– По мне, так все их коммунисты – гады, переметнулись к Гитлеру! Кто трусил, кто-то увидел выгоду для себя, другие поверили фюреру. Не сомневаюсь, в первом же бою мы с тобой будем стрелять и в бывших коммунистов.

– Нас учили под лозунгом: «Через ненависть – к победе!» А узбеки? Что они знают о немцах? Половина, если не больше, неграмотные. Какая у них ненависть к немцам? Знают ли они вообще о Германии?

– Ты преувеличиваешь. Думаю, немало среди них и таких, кто не хочет говорить по-русски.

Он замолчал. Я прямо-таки не мог узнать Юрку.

На этом наш разговор закончился, так и не состоявшись.

Вверх-вниз

На следующее утро солдатский телеграф сообщил: ночью привезли триста курсантов из Камышловского военно-пехотного училища и семьсот новобранцев-москвичей. После завтрака нас всех построили на большой поляне. Перед распределением по батальонам командир полка обратился к солдатам:

– Я хочу знать, есть ли среди вас охотники, кузнецы, механики, шоферы, портные, сапожники, фельдшеры, повара? Только без обмана!

Призыв начальства, естественно, вызвал общее оживление. Вперед из строя вышли многие. Их имена записывали помощники начштаба полка.

Наступил полдень, мы все еще стояли на поляне. А в это время начальство, как мы вскоре поняли, занималось распределением: кого – в пехоту, кого – в артиллерию, кого – в саперы, связь, медсанбат, в оружейники, на штабную работу, всех охотников – в снайперы... Из курсантов сформировали две отдельные роты: пулеметчиков и автоматчиков – правда, пока без автоматов. Позже я узнал, что Юрку, он в другом полку, определили на штабную работу.

Появился комиссар полка. Видимо, его прихода ждали. Он пошел вдоль строя, задавая солдатам вопросы; часто, не дождавшись ответа, спешил вперед. За ним шел высокий худощавый командир с одной шпалой в петлицах. Узкие глаза, иссиня-черные короткие усики и смуглое лицо позволяли предположить его восточное происхождение. Оказалось, это комсорг полка Халиков. Обращался он, как правило, к курсантам. Подойдя ко мне, спросил, откуда я, комсомолец ли, какое образование, участвовал ли до армии в общественной работе. Потом догнал комполка, перекинулся с ним несколькими словами, вызвал меня из строя и забрал с собой.

Так, ненадолго, я стал помощником комсорга полка. За короткое время мы подружились и во внеслужебное время стали обращаться друг к другу по имени, звали комсорга Сабит. Я аккуратно подшивал документы в папки, хранил комсомольские билеты. Если комсорг был занят, проводил заседания комитета комсомола. Помогал комсоргам батальонов создавать первичные организации в ротах и батареях. Беседовал с молодыми солдатами, если мне это поручали; читал им статьи из центральной и армейской печати.

Через две недели моя комсомольская карьера закончилась. Случайно я попался на глаза проходившему мимо парторгу полка – мрачному человеку, которого политработники полка старались обходить стороной, зная его несносный характер. Рассказывали, что до войны он возглавлял партийную комиссию в одном из райкомов и при рассмотрении личных дел признавал единственное решение: исключение из партии.

Встреча с ним произошла при невыгодных для меня обстоятельствах: я был без пилотки, в расстегнутой гимнастерке, без ремня, а самое главное, и это больше всего его разозлило, он застал меня за приготовлением обеда, – спросил с раздражением:

– Кто вы такой? Что вы делаете в политчасти?

Я доложил как положено:

– Помощник комсорга полка.

– Почему занимаетесь приготовлением пищи в политчасти?

Я попытался объяснить, что мне выдают сухой паек, а в командирскую столовую не пускают как рядового.

Мои доводы, по-видимому, его не убедили. Вскоре меня вызвал Халиков и, виновато опустив глаза, спросил, куда я хочу, в какую часть. По лицу Сабита я понял, что досталось ему крепко, и, не задавая вопросов, попросил направить меня в артиллерию:

– Я же учился на минометчика.

– Ладно, – сказал Сабит, – станешь пушкарем.

Глава вторая

Как я искал правды, и что из этого вышло

Июнь – июль 1942 года

В артиллерийской батарее

Уже месяц, как я служу четвертым номером, то есть подносчиком снарядов, в орудийном расчете. Орудие – «сорокапятка», то есть 45-мм противотанковая пушка. Должность у меня не ахти какая, но с чего-то ведь надо начинать.

Командиром у нас – старший сержант Леня Лошак. Ему двадцать два. Крепкий мужик из-под Тамбова. Дело свое знает – профессионал-артиллерист высокого класса. К подчиненным относится строго, но справедливо. Со всеми одинаково ровен. В общем, лучший вариант взаимоотношений командира и подчиненных. В расчете его уважают, стараются точно и быстро выполнять все приказы.

В расчете нас шесть человек. Самая важная фигура – наводчик: успех или неудача во многом зависят от него. Танк – движущаяся цель; чтобы его поразить, требуются хладнокровие, точный расчет, умение верно и быстро оценить ситуацию. Наш наводчик Андрюша Панюшкин, в моем представлении, волшебник – он уже сжег два немецких танка.

Я сразу полюбил «сорокапятку». Старался больше разузнать о ней, научиться артиллерийскому делу. Бывалые артиллеристы охотно объясняли роль пушки в бою:

– Тяжелая артиллерия стоит на три-пять километров позади переднего края. А мы – истребители вражеских танков и – главное – неподавленных огневых точек. Стоим мы, как правило, вместе с пехотой, на сотню-полсотни метров позади нее. А в бою, когда пехота идет в наступление, мы, батарейцы, катим пушки следом и стараемся защитить пехотинцев от танков. В этой ситуации батарея попадает в невыгодное положение: солдаты укрываются за любой бугор, а ты в открытую катишь пушку – немец в тебя лупит и лупит. Вот и получается: «Ствол длинный, а жизнь короткая».

Вступает другой артиллерист:

– Елки-палки, пехота наступает – мы за ней. Батальон ночь отдыхает на новых позициях, а нам приказ: «Окопаться! Замаскировать позиции!» Утром – артподготовка и бой! А вечером опять, елки-палки, перегруппировка: прибываем на новое место ночью, беремся за лопаты. Так изматываешься, что все до фени.

Зная недостатки «сорокапятки» – в борьбе с танками она была слабовата, все равно бойцы любили ее. Легкая, 540 килограммов: угодит в воронку – сами вытащим; правда, нелегко подносить снаряды: вес ящика – 50 килограммов, но вдвоем справлялись. В бою каждый попавший по назначению снаряд «сорокапятки» сберегал солдатские жизни. А для самих артиллеристов оказались бесценны ее высокая маневренность и широкий стальной щит, спасавший от пуль и осколков.

В 1943 году Красная Армия получила на вооружение 57-мм пушку – превосходное орудие! Им постепенно заменили «сорокапятки».

После войны я прочел, что Сталин однажды сказал Грабину, конструктору 76-мм орудия: «Ваша пушка спасла Россию». О «сорокапятке», к сожалению, таких слов никто не произнес.

Командовал артбатареями капитан Василий Иванович, опытный артиллерист, за участие в боях под Москвой награжденный орденом Красной Звезды. Солдаты прозвали его «наш Чапай». Он и сам, хотя был лет на десять моложе, старался походить на своего героя: отрас-

тил чапаевские усы и тщательно следил за ними. Но на его молодом лице они казались лишними, не придавали ему желанной романтики. Мне понравилась его беседа с нами, молодыми бойцами.

– Главное в бою, – сказал капитан, – выбрать правильную позицию и вовремя окопать орудие. Не сделаете того и другого – немец пойдет в лоб и вы с ним не справитесь. Чтобы точнее ударить по танку, надо выбрать момент, когда он хоть на пару секунд повернется к вам боковой броней – она тоньше. Если близко подпустите, танк может развить скорость и сомнет огневую позицию – даже если пробьешь броню, может не остановиться. Или один загорится, а другой пойдет дальше. Танк обязательно надо сжечь!

Боевые учения

Батарея состояла из трех взводов, по три орудия в каждом. Плюс двадцать шесть лошадей. Размещалась батарея в двух деревушках, отстоящих недалеко друг от друга, разделяли нас живописный лесок и маленькая речушка. После отступления немцев в деревушках уцелело по две-три избы и пятку сараев, от прочего остались только обугленные фундаменты и пустые собачьи будки. Жители – их осталось немного, в основном старики, старухи и дети – обитали в землянках, куда стащили все, что удалось сохранить. Крестьяне рассказывали, когда в деревню приходили немцы, они в первую очередь разыскивали и расстреливали комиссаров, коммунистов и евреев, а затем убивали всех собак.

В одной из деревушек чудом сохранилась приличная крестьянская изба, ее заняло командование батареи. На окраине, ближе к лесу, разместились в палатках солдаты. На противоположной стороне в отрытых траншеях упрятали, хорошо замаскировав, орудия. Подальше, на опушке леса, построили конюшни и площадку для кухни. Особое место занимал глубоко врытый в землю, покрытый крепкими бревнами склад боеприпасов.

Дни проходили быстро. Подъем, лишь солнышко всходит, весь день с пушкой в обнимку, и, глядишь, уже ночь. Не раз командир батареи устраивал тревоги, проверяя по часам, насколько мы готовы отправиться в путь. «Расчеты, к оружию!» – звучала команда, и каждый мигот занимал свое место у орудий. Хотя «первый блин» вышел комом, вскоре командир уже хвалил батарейцев.

Казалось, все идет как положено. Мне, как и всем, вручили карабин, противогаз, два санитарных пакета и красноармейскую книжку, в которую старшина записал мою первую фронттовую профессию: «артиллерист». Как я гордился, глядя на эту запись!

Кормили нас по нормам второго эшелона, но выходило терпимо. Что-то добавлял повар за счет леса и благодаря хлопотам старшины Осипа Осиповича.

С утра до вечера с нами занимались командиры. Пять раз в неделю батарея выезжала на учения. Выбирали удобные позиции – основную и запасные, выдвигали орудие, метрах в шестистах-семистах выставляли фанерные макеты танков и открывали огонь. Иногда позволяли использовать один боевой снаряд. Попробуйте одним выстрелом поразить движущуюся цель! Часто стреляли по мишеням из карабинов, что оказалось труднее, чем из винтовки, – сильная отдача. Ничего, привыкли и к этому. Труднее давались ночные караулы. Как и в училище, после них не освобождали от дневных занятий.

Еще тяжелее, чем ночные караулы, оказался постоянный труд по устройству огневых позиций. Сколько мы перекопали земли! Часами не выпускали из рук кирку или лопату! Вот уж где выдыхались! Наш командир Ленья Лошак говорил:

– Не успеете сами окопаться, окопать орудие, – погибель!

И мы старались.

Расчет занимал отдельную палатку. Среди нас были опытные фронтовики, новобранцы и два курсанта – такого ужасного явления, как дедовщина, мы не знали. Вечерами разрешалось посидеть перед палаткой, «побалакать за жизнь», как украинцы говорят. Шутили, дымили самокрутками. Нашелся и баянист, Коля Шуляк, инструмент он привез с «гражданки»; до войны Николай был совхозным конюхом, в батарее служил ездовым.

Когда выдавалась свободная минута, я старался расспросить бывалых фронтовиков. Солдат, прошедший сорок первый, рассказывал:

– Он, когда прет на тебя, чешет из пушки, пулеметов – может раздавить и тебя, и орудие. А ты что? Попробуй его подбить! А гранатой его не возьмешь. Танк надо обязательно сжечь! Это каждый тебе скажет.

Я спрашиваю:

– А если танковая атака?

– Страшное дело. Здесь немцы, главное, действуют на психику, любят стрелять на ходу – что танкисты, что пехота. От такой стрельбы пользы мало – это все знают, но на психику действует, особенно на молодых, необстрелянных. Я и сам не раз поддавался. Не получилось подбить, сжечь – лучше пропусти его через себя, понадежней укройся в окопе, а потом бей и бей, чем можешь, как можешь – только бы задержать огнем идущих за танками пехоту, мотопехоту...

Самая колоритная фигура батареи – старшина Осип Осипович, прозванный «и нашим и вашим». Солдаты чутко подмечают характер начальства, будь то старшина, взводный или даже комполка. Об Осипе Осиповиче все знали – оборотистый мужик: и с рядовыми прилично себя ведет, и об интересах начальства не забывает. Осип Осипович любил и часто произносил перед нами длинные речи. А говорил он, как правило, примерно следующее:

– Кто есть старшина?! Старшина есть тыл армии. Что есть тыл армии? Это основа ее существования и главное условие победы. Без тыла – ни прокормить солдата, ни согреть его душу чарочкой! Ни помыть его вовремя в баньке – а значит, не избавить от вшей! Без тыла не двинется в бой ни один танк, не взлетит самолет, не выстрелит ни одно орудие! Не получит желанную бабу ни один генерал! Усекли, артиллеристы, значение старшины? Будем считать, усекли! Так что прошу любить и жаловать Осипа Осиповича, выполнять точно все мои указания.

Начальство – в забытьи

Осип Осипович – третий мой старшина. Сколько их еще будет! Скверно, когда старшине не хватает разума, культуры, образования, – такое часто бывает, но это еще можно вытерпеть. Вдвойне, втройне скверно, если ему недостает самых обыкновенных человеческих чувств. Самый трудный случай, и тут уже ничего не поделаешь, когда старшиной овладевает мания величия, когда он уверен в своем превосходстве над рядовыми.

Наш старшина – человек иного склада, он всегда готов помочь солдату. А как заботится о конюшне! Разбуди Осипа Осиповича ночью – он без запинки перечислит всех лошадей, их масти, клички. Печется он и о начальстве. Ну и пусть себе печется. Главное – чтобы о солдате не забывал. Всем нам казалось, что Осип Осипович так и поступал. Ну скажите, как такого человека не уважать, как не простить ему всякие мелкие грешки? Идеальный старшина!

Однако вскоре жизнь батареи круто перевернулась, и солдаты сбросили с пьедестала «идеального старшину».

Первое – ухудшилась еда. Вместо супа, заваренного на американской тушенке, стали кормить баландой. Тем, кто не ел баланды, разъясняю: это горячая водичка, заправленная крупой, травкой и солью. Тушенка, точно привидение, исчезла из рациона. То ли проливные июльские дожди затормозили подвоз, то ли союзники перестали присылать? Всякое приходило в голову – человек, видно, так устроен: если происходит какая-то несурезица, он прежде всего старается понять.

После исчезновения тушенки пришла очередь хлеба – ломоть похудел. Затем и сахар стали выдавать через день. Почему?

Новые сомнения: командиры стали отлынивать от занятий, перепоручая свои обязанности сержантам. Реже выезжали в поле. Опять помешали дожди? Забыл нас и комиссар. Перестали доставлять газеты, и мы не знали, что происходит в стране, на фронте, а кроме того – лишились раскурочного материала!

Затем случилась совсем уже подлость! Урезали довольствие лошадям, до предела сократив ежедневную норму овса.

Стало худо и людям, и животным, которых мы обожали и которые, в отличие от нас, не способны были искать оправданий.

Прошло две недели в новом полуголодном режиме. Все стали затягивать пояса и как-то приспособливаться. Я, например, отдавал почти полпайки согласившимся заменять меня на ночном посту.

Вскоре нас совсем оглушили – стали запрягать нас вместо лошадей. Приходилось на себе волочить пушки два километра до места учений – иначе из-за сильных дождей в поле их не доставить. Понятно, в боевой обстановке может быть и похуже, придется и на себе тащить, но так поступать сейчас? А причина тому – обессилели лошади. Артиллерийской лошади положено в сутки не меньше шести килограммов овса. Она их не получала. С грубыми кормами (сеном, соломой) тоже оказалось слабовато – откуда их взять? Голодные кони, не углядишь, начали грызть друг у друга хвосты, глодать коновязь, а это, не дай бог, могло привести к большой беде.

Замечательно высказался один француз-кавалерист. На упрек маршала Мюрата он ответил: «Люди могут идти без хлеба, но лошади без овса – не в состоянии. Их не поддерживает в этом любовь к Отечеству».

Тащить пушку по мокрой глинистой земле, да еще под дождем, – занятие малоприятное. А чуть доберемся, измученные, мокрые, выберем позиции, как тут же, без всякой передышки, звучат команды:

– Танки с фронта!.. Танки с тыла!.. Танки с флангов!..

Только успевай соображать, разворачивать орудие, изменять прицел, перетаскивать снаряды... Но на пустой желудок – какая стрельба? Валимся, обессилив, один за другим на землю, все грязные, мокрые, да еще и злые, голодные. Отучившись, волочим пушку обратно. Доберемся до палатки, а командир взвода или сержант еще четверть часа держит в строю: разбирает прошедшее учение. Так положено! Приведем себя в порядок и строим на кухню. А там баланда да каша без масла, кружка полусладкого чая. И эдакое всякий божий день. Хорошо, что повар – мужик приличный: попросит кто добавки – не пожалеет лишнего черпака.

Новые чудеса. Обычно многие после обеда шли ненадолго в конюшню – гладили лошадей, кормили их травкой, беседовали с ездовыми – те, помню, часто напевали частушку: «Два – за сено, три – за воз, полтора – за перевоз. Чечевича с виною, а я не чирикаю...» Теперь, правда, пение прекратилось. И вдруг всем запретили заходить в конюшни, причем без всяких объяснений.

Такая сложилась ситуация в нашей батарее. Никто не понимал, что происходит.

Стали рассуждать: кони без овса тощат, выводить их на траву не разрешают даже в погожие дни – мол, где-то появилась «рама». Особенно сокрушался Матвей, старший ездовой: он любил лошадей, как настоящий артиллерист – свою пушку, даже плакал:

– Воевать еще не начали, а кони полягут...

С Матвея все и открылось, все заварилось.

Как-то вечером, когда мы остались одни, без начальства, появился к нам старший ездовой и, загибая палец за пальцем, стал выкладывать свои наблюдения:

– Факт первый: товарищи командиры с помощью Осипа Осиповича меняют овес на самогон. Факт второй: на закусон изымают из солдатского котла тушенку и иной харч. Факт третий – подумать, что выделывают, сучье отродье! – в соседних деревнях старшина отыскал девок, привозит их к командирам. Я-то, старый дурак, еще дал на то коня Осипу. Ну куда ж такое годится? Мы почти в боевой обстановке, а они дело свое мужское справляют, а на нас... положили.

Через несколько дней командир батареи вдруг пришел к нам во взвод. Выстроил солдат под дождем и стал отчитывать, как мальчишек:

– Что за неряшливый вид! Грязные гимнастерки! А дисциплина!..

В ответ прозвучал чей-то голос:

– Товарищ капитан, так мы же стали заместо лошадей. И в грязи цельный день, как свиньи, валяемся.

«Чапай» ничего не ответил. Распустив взвод, повернулся и ушел.

Я – делегат

С того дня батарея открыла против своих же командиров самые настоящие «боевые действия».

Прежде всего отказались в дождливые дни тащить в поле пушки. Командир взвода – молодой лейтенант, его все считали пустым местом – зашумел на нас, пригрозил, но быстро утих, согласившись брать на учения одно орудие.

Теперь учились по очереди: одни копошатся в болотной грязи с пушкой, другие покуряют в кустах под проклятым морозящим дождем. У всех пропала охота учиться. Возвращались в деревню, обсушивались и после обеда, полумертвые, залегали хоть немного поспать.

Однажды вечером кто-то запустил в занавешенное окно избы, где веселились командиры и откуда неслись громкие звуки патефона, кусок кизяка, вывороченного из затвердевшей навозной кучи. Раздался звон разбитого стекла. Патефон смолк. Что там внутри избы произошло – никто не знал. На следующее утро окно починили – постарался Осип Осипович, а возле избы появился солдат с карабином – охранник командирских забав.

Ночами во всех палатках солдаты думали, как жить дальше. В нашей палатке говорили, наверное, то же, что в других, и с каждой ночью разговор становился все острее.

– Как комиссар срам такой допускает?

– А он заодно с ними – пляшет, жрет самогон да девок трахает.

– Красная Армия – армия рабочих и крестьян. Все мы, командиры и солдаты, из одного народа вышли.

– Вышли-то из одного, а те, кто власть получил, барами заделались. Знал бы Василий Иваныч про такое беспутство – утопил бы мерзавцев в Урале.

Посмеялись, но разговор принял более резкий характер.

– Сообщить бы комдиву – он враз их урезонит!

– Сволочи! Завтра вместе идти в бой, а они блядством занимаются, нас за людей не считают.

– А что, ребята, выкатим орудие и, как в семнадцатом с «Авроры», бабахнем по контре. Они и есть натуральная контра!

– Ты что, чокнутый? Под расстрел хочешь всех подвести?

Вскоре произошло еще одно событие. С перекладки, протянутой между кольями, вбитыми в землю неподалеку от командирской избы, стацили постиранную гимнастерку нашего взводного. Наказали часового. Это всех возмутило. В тот же день прислали нового командира – наш «захворал».

Под вечер меня вызвали из палатки «старики» поговорить за жизнь:

– Ты парень грамотный, курсант, комсомольское начальство полка. Дальше терпеть нельзя: поговори по душам с комиссаром – может, одумаются? Поговори как партиец с партицем. У вас, коммунистов, отношения особые – не нашенские.

– Во-первых, – ответил я, – какое я комсомольское начальство? Во-вторых, я не коммунист.

– Для нас, батарейцев, ты станешь коммунистом, если осмелишься и скажешь комиссару правду!

«Старики» замолкли, ожидая моего ответа.

Впервые в жизни серьезные мужчины, намного старше меня, фронтовики, не раз глядевшие смерти в глаза, поверили мне, надеялись на мое мужество, способность совершить гражданский поступок во имя справедливого дела. Забыв мудрое правило «Руби дерево по плечу», я решился.

Подошел к командирской избе и попросил часового вызвать комиссара. Тот скоро вышел, удивленно взглянул на меня. Когда я сказал, что хочу побеседовать с ним по серьезному политическому делу, он, как всегда, вежливо улыбнулся: мол, что ты мелешь, солдатик, какое там у тебя «серьезное политическое дело»?

Я не ожидал от него немедленного согласия на разговор. Но комиссар вдруг предложил побеседовать в лесу. Сели на поваленное дерево. Выглядел комиссар, как всегда, франтовато. Молодой брюнет с холеным полным лицом, он был одним из тех мужчин, все об этом знали, кто постоянно, словно женщина, заботится о своей внешности. Некоторым он нравился. А сейчас он, видно, готовился к вечеринке: был чисто выбрит, волосы зализаны, смазанные каким-то кремом, придававшим им серебристый оттенок; пуговицы на гимнастерке, звездочка на пилотке, сапоги – все сверкало; сам источал запах тройного одеколона – в то время предел мечтаний фронтовика. Куда мне тягаться с ним? Замызганная гимнастерка, давно не чищенные сапоги, грязные ногти.

И все-таки разговор состоялся. Я искренне, начистоту, выложил все как есть. Не прибегая к грубым словам, стал рассказывать о фактах и о настроениях в батарее. Комиссар обмахивался веточкой, вопросов не задавал, слушал. Я закончил. Наступило молчание. Прервал его комиссар, и разговор принял совсем не то направление, которого я ожидал. Вернее, никакого разговора не последовало. Это был монолог. Комиссар говорил грубо, назидательно, презрительно:

– Вот какой ты герой! Не представлял. Интересно, каким будешь в бою. Оказывается, ты, курсант, еще и склочник. Надеюсь, не в училище тебя этому научили? Запомни, что я тебе скажу. Молодой ты еще и горячий. Подставили тебя, теленка, пободаться, а сами в кусты. Вся твоя речь – полнейший вздор! Чего ты добиваешься? Побольше тушенки класть в суп? Она оказалась порченной. Пойди к старшине – он тебе покажет соответствующий акт. Количество овса интенданты сократили во всей армии – природа нам не подчиняется. Всем трудно. Думаешь, солдатам, наступающим в эти дни, легче? Все остальное – чепуха. Ты, солдат, обидел не комиссара, а партию! И заслуживаешь наказания. Но я – человек не мстительный, отношусь с уважением к каждому, – это все знают. Тем более, как ты сказал, нам вместе идти в бой. Так что подумай – и серьезно – о сказанном.

Подавленный, оглушенный, я не проронил ни слова. Он поднялся. Не попрощавшись, мы разошлись.

Сомнения одолевали меня: может, я не нашел необходимых слов, не сумел вызвать его на откровенный, душевный разговор? Нет и нет! Я не виноват, просто он демагог, из тех, что прикрывают высокими словами свои пороки. Лицемер и пустослов! Но горький осадок от беседы с комиссаром остался.

На следующий день «Чапай» приказал перевести меня во взвод, расположенный в соседней деревне. Убирают подальше с глаз начальства, понял я. Ясно, по подсказке комиссара. Что ж, ладно.

Забрав карабин, вещмешок и шинель, попрощавшись с расчетом, я отправился к месту новой службы. Перед уходом ребята рассказали, что комиссар в присутствии нескольких человек, в том числе старшины Осипа Осиповича, высказался: «Откуда он взялся, этот жиденок?»

Жаловаться в армии не положено **Из «Свода правил поведения солдата»**

Я шел по узкой лесной дороге, радуясь встрече с чудом зеленого летнего леса. Ясное небо, величественные деревья, воздух, напоенный свежестью... Было грустно, и вместе с тем я испытывал радость: природа словно приняла меня в свои утешающие объятия, растворила, рассеяв, мои невзгоды, исцелила и сделала сильнее. Вдруг стало так легко! К черту комиссара! К черту все сказанные им противные слова! Да и какая разница, в каком взводе служить, – говорят, там приличный командир...

Вдруг кто-то окликнул меня, я обернулся. За мной верхами ехал Сабит Халиков. Поравнявшись, он остановил коня:

– Ты чего не приходишь на заседания комитета комсомола? Я дважды звонил вашему «Чапаю», он обещал прислать тебя.

Я не стал ничего объяснять, не сказал и о случившемся, постарался отговориться:

– Не знал, мне никто не сообщил.

Вдвоем мы добрались до расположения взвода. По дороге Сабит восторженно рассказывал о боевой подготовке в дивизии, как она крепнет, услышал я и много лестного о комдиве Куприянове:

– Таких я до сих пор не встречал, – повествовал Сабит, – лучший командир!..

Командир взвода, когда я доложил о прибытии, направил меня в один из расчетов, вопросов не задавал – я понял, что ему не известно о причинах моего перевода. Сабит попросил взводного отпустить меня в полк – он тут же разрешил. И я вдруг решил действовать: надо поговорить с полковым комиссаром, когда еще предоставится такая возможность.

Заседание комитета комсомола оказалось особым. Присутствовали комполка, все батальонные комсорги, вопрос обсуждался один: о боевой подготовке. Комполка рассказал, что в нескольких батальонах и батареях побывал комдив Куприянов – жаль, что не у нас! – и остался недоволен ходом занятий: много формальности и показухи, слабо отрабатывается взаимодействие родов войск, солдата не учат проявлять инициативу в бою.

– Комдив предполагает лично провести совместные учения с танковой бригадой, – закончил свое выступление комполка. – В учениях примет участие и наш 711-й полк. Делайте выводы!

После заседания я подошел к нему:

– Не можете ли вы уделить мне несколько минут для серьезного политического разговора?

– Вы с комиссаром полка беседовали?

– Не удалось. До заседания комитета я попытался это сделать, но получил ответ, что он уехал на два дня в армию.

– Хорошо, давайте поговорим. Слушаю вас.

Командир полка вежливо меня выслушал, поблагодарил за честность и пообещал после возвращения комиссара во всем разобраться. Услышав вопрос о комиссаре, я засомневался: правильно ли поступил – может, действительно следовало сначала встретиться с комиссаром, по слухам, он человек приличный и принципиальный. Но ведь он придет через два дня, отпустят ли меня еще раз в полк? Но, в сущности, какая разница, ведь комиссар и командир – оба представляют советскую власть.

Но вышло не так, как я думал.

Через четыре дня в батарею приехал комиссар полка. После беседы с начальством батареи, сытного обеда – Осип Осипович уж расстарался – он вышел на крылечко, послал за мной и, присев на солнышке, стал дожидаться.

Задал он мне всего три вопроса.

– Почему вы преступили субординацию?

Я объяснил, как все происходило.

– Все в батарее думают так, как вы?

– Все, изложенное комиссару батарее, – это мое личное мнение как комсомольца.

– Вы угрожал комиссару?

– Нет! – заявил я категорически.

Пока мы беседовали, а точнее, я отвечал на вопросы комиссара, все три взвода выстроили перед палатками. Здесь же находились капитан «Чапай» – наш командир – и все командиры взводов. Отпущенный комиссаром, я встал в строй, не предвидя ничего дурного. Последовала команда:

– Смирно!

Неожиданно для батарейцев, не говоря уж обо мне, капитан вызвал меня из строя и приказал:

– Сдать карабин командиру взвода и отбыть в распоряжение командира 1-й стрелковой роты 1-го батальона старшего лейтенанта Сухомирова. Получите у старшины красноармейскую книжку. На сборы – один час!

Кровь прилила к лицу. Сильно застучало сердце, словно его внезапно придавило чем-то очень тяжелым. Как же так?! Никаких объяснений! Что все подумают, толком не зная, за что меня наказали?! Но больше всего ранило другое! Ни один из курсантов, никто из «стариков», что уговаривали меня бороться за правду, никто из моего расчета не выступил в мою защиту – ни один человек не проронил и полслова! Вот как получилось! Вот какие мы – «из одной казармы»!

Так я попал «без драки в большие забияки», а из забияки тут же выпустили пар.

Ровно через час я покинул батарею и двинулся лесом в распоряжение некоего старшего лейтенанта. Шел я раздосадованный: как же, первый в моей жизни важный гражданский поступок, совершенный ради людей, – и кончилось все ничем! А лично для меня – мелкой мстью, изгнанием из артиллерии.

Помните, у Александра Трифоновича Твардовского в его бессмертной поэме «Василий Теркин»:

По дороге прифронтной,
Запоясан, как в строю,
Шел боец в шинели новой,
Догонял свой полк стрелковый,
Роту первую свою.

Вот так и я шел по дороге в «полк стрелковый, в роту первую свою».

Через некоторое время стало известно, что мои усилия все же не пропали даром. Пьянки прекратились. Лучше стала еда. Комиссар возобновил посещения батареи, принося газеты. Лошадям стали выдавать овес по норме. Возобновились занятия.

Но душу ранило гадкое чувство полной незащитности. Известно, что самые высокие душевные порывы оборачиваются пустым звуком, если за ними не следуют конкретные поступки. Я получил серьезный урок, и он не пройдет даром. С тех пор я усвоил одно правило и стараюсь его придерживаться: не жди поддержки и одобрения; если уверен в своей правоте – действуй.

Глава третья В стрелковой роте Июль – август 1942 года

Фронт лихорадит

Итак, я пехотинец! «Умник – в артиллерии, щеголь – в кавалерии, пьяница – во флоте, а дурак! – в пехоте». Что ж, в пехоте так в пехоте, мы не гордые.

В стрелковой роте меня сразу определили в отделение, командовал которым – о радость! – наш Шурка. Он сразу стал рассказывать о ситуации. Недовольство бойцов вызывал ротный старшина, и в первый же день я стал свидетелем стычки между ним и Шуркой.

– Почему мы до сих пор не получаем почту?! – возмутился Шурка.

Старшина, пожав плечами, безразлично ответил:

– Почта не входит в обязанности старшины. Наше дело – подать вовремя заявочку, обеспечить солдата жратвой и боеприпасами. А ваше дело, сержант, – воевать с немцем.

Шурка завелся:

– Вы что ж, товарищ старшина, не собираетесь воевать вместе с нами?

Помолчав, старшина ответил:

– Как будет приказано.

За годы войны у меня скопилась целая «коллекция» самых различных образчиков старшин. Этот был уже четвертым. «Серая личность» – таково было мнение бойцов, и я его разделял.

Не успел устроиться в стрелковой роте, привыкнуть к новому отделению, понять свои нехитрые обязанности, как полк внезапно подняли по тревоге, и спустя пару часов вся дивизия уже двигалась ускоренным маршем к ближайшей станции. Всю ночь шли, не зная, куда и зачем нас ведут. Что, если гитлеровский зверь вновь прыгнул на Москву?.. Кто-то напомнил слова комиссара: «Смертельная опасность нависла над страной: немец рвется к Волге!» Точку самым разным слухам поставил, как часто бывало, солдатский телеграф: дивизию срочно отправляют под Сталинград!

За ночь отшагали километров тридцать. Утром я впервые увидел командира дивизии. Он стоял на обочине дороги возле «эмки» и спокойным внимательным взглядом провожал идущее мимо воинство. Высокий, стройный, уверенный в себе. Простое крестьянское лицо, глаза живые – пристально следят за проходящим строем. Наверное, его заботила одна мысль: устоим ли, справимся под Сталинградом? Ибо он отчетливо понимал – чего таить! – что далеко еще не все сделано, еще не все подготовлено, еще не все солдаты научились воевать. Он не мог не ощущать собственной ответственности за каждого доверенного ему солдата. Может быть, он сокрушался: «Эх, еще бы месяц-два – тогда появится уверенность в боевой силе и духе дивизии».

Опять внезапно, ничего не объясняя, колонну остановили. Затем направили в лес. Короткий отдых чуть оживил нас после нелегкого ночного перехода, и опять мы на марше – сменив направление, догоняем ушедшие вперед технику, тыловые части. Солдатский телеграф тут же отстучал новую весть: Сталин узнал о нас и приказал: «Ни одного солдата не снимать из-под Ржева!»

Так я не попал в Сталинград.

Известно, что в сорок втором со всех фронтов сняли и отправили под Сталинград 50 дивизий, в том числе несколько с Западного фронта. Нашу дивизию почему-то не тронули, опять оставили в резерве.

О фронтовых комдивах

Должен сказать, что на фронте солдата больше, чем командира, интересует, что собой представляет его комдив. Подобное утверждение может показаться непонятным или смешным, ведь рядовому до комдива – как до неба. Но так обычно рассуждают новобранцы или люди равнодушные. Фронтовик, попадая в новую дивизию, первым делом расспрашивает о комдиве, а не о взводном или ротном. Почему? В данном случае справедлива слегка переиначенная присказка: «Скажи мне, кто твой комдив, и я все скажу о твоём взводном (или ротном)».

За годы войны мне пришлось видеть всяких комдивов. Одни командовали по-гусарски: шумно, порой разухабисто, что ни приказ, что ни слово – рык и громобой! Попробуй не выполнить – жди тяжкой кары! Это худшая разновидность фронтовых комдивов, настоящие солдафоны, их не интересовало мнение подчиненных, такие признавали одно правило: «Вперед! Ура!» За что и получили презрительное прозвище «Уря!». Сколько на их совести солдатской крови!

Другие комдивы полагали высший смысл командного языка в отборном мате – в их представлении только с помощью брани можно заставить человека воевать, ибо война, как они считали, это жизнь наоборот. Известно, что мат в армии процветал на всех уровнях и воспринимался как нормальный язык. Чем выше командир, тем громче и разухабистей звучал мат. По общему мнению, среди маршалов военного времени лишь Константин Константинович Рокоссовский не опускался до этой массовой мерзости.

Война прочно закрепила за командирами и расхожее слово «мордобойщик». «Врезать в морду» значило не только получить удовлетворение и закрепить собственное превосходство; давая волю кулакам, мордобойщики считали сие действие еще и полезным уроком для подчиненных. А выпивохи?! Трудно в то время было назвать командира, который бы вообще не брал водки в рот. Однако я имею в виду истинных пьяниц – алкоголиков. Начальство прощало им такие «шалости», если они не влияли на боевые успехи. Во время боев в Восточной Пруссии я знал комдива, который за день опустошал как минимум бутылку французского коньяка и, если надо, плеткой гнал батальоны вперед.

В большинстве своем матерщинники, выпивохи и мордобойщики – все это были те лейтенанты и майоры, которых сталинские чистки еще в мирное время вознесли в чинах. В одночасье они стали подполковниками, полковниками, генералами и командовали уже полками, бригадами, дивизиями. Но к сорок второму за их плечами был уже опыт боев и победа над японцами, Финская кампания, поход в Польшу, трагичный сорок первый, битва под Москвой – теперь они командовали, казалось, по праву. Это было новое, сталинское поколение командиров-практиков, как правило малокультурных, без специального образования. Такие не утруждали себя упражнениями мыслительных способностей. Такие не останавливались перед тем, чтобы свалить на других собственные просчеты. Особенно от них доставалось командирам, окончившим академии.

Сталин как Верховный Главнокомандующий прекрасно знал своих генералов. Чем жестче и наглее они вели себя, тем веселее он покручивал свои усы. Он не терпел бесструнных балалаечников. «После войны всех быстренько поставим на место, – нередко говорил он своим помощникам, – а пока пусть бречат, что хотят». Так оно потом и вышло.

Но какими бы ни были сталинские комдивы, справедливости ради следует признать: трусливых, безвольных, с душой не на месте я среди них не заметил. Сколько их погибло на Ржевской земле! Много!

Комдив 215-й дивизии – Куприянов

О нашем командире дивизии впервые я услышал в июне 1942 года. Когда стало известно, что к нам прибыл комдив, что ему поручено сформировать и вести в бой 215-ю дивизию, эта новость, как молния, облетела все полки, батальоны, роты. Командиров и комиссаров интересовало, справится ли комдив с таким ответственным поручением, каков его профессиональный уровень, боевой опыт. Мы, рядовые, жили и мыслили в иных измерениях: нас интересовало, как этот человек станет распоряжаться судьбами тысяч людей в солдатских шинелях – порядочный он или зверюга?

Вскоре все уже знали, что комдива зовут Андрей Филимонович Куприянов, что он часто приезжает в полки и не сидит на компунктах, а разговаривает с людьми – и не только с командирами.

Шло время, и до нас начали доходить более полные сведения о комдиве. Стало известно, что Куприянов – не баловень судьбы. Сын крестьянина-бедняка. В Красной Армии – с Гражданской. Честно прошел трудный армейский путь – от рядового до полковника. Закончил Смоленское военно-пехотное училище, а затем Военную академию имени М. В. Фрунзе. Его солидный послужной список внушал доверие. Когда он служил замначальника Свердловского военно-пехотного училища, один из командиров училища как-то высказался: «Армия без карцера – не армия». Куприянов в ответ предложил: «А вы подумайте, как сделать, чтобы карцер почаще пустовал!» В сорок первом, когда немцы подошли к Москве, ему приказали срочно собрать тысячу курсантов, сформировать стрелковую бригаду и прибыть на защиту столицы. Поздней осенью и ранней зимой сорок первого все они полегли на подмосковной земле. Говорили, что сильно плакал комбриг, не скрывая слез, – переживал гибель своих питомцев.

Командарм Лелюшенко, человек нетерпеливый и горячий, несколько раз требовал поскорее завершить формирование дивизии, включить ее в боевые действия. Куприянов всякий раз находил обоснованные доводы и добивался еще одной, пусть недолгой отсрочки. Об этом мы тогда, понятно, не знали. Сегодня можно лишь сказать ему спасибо, ибо пошли мы в бой лучше подготовленными, что спасло немало человеческих жизней.

Прошло немного времени, и до нас дошла еще одна новость. Комдив не кричит, не матерится, обращается к полковым и батальонным командирам по имени-отчеству и на «вы». Относится ко всем ровно – независимо от чина и звания, собственными командирскими действиями подтверждая, что уважением и доверием к людям можно добиться большего, чем криком, жестокостью и матом. Питается из солдатского котла, никаких личных командирских кухонь не признает. Редчайшее явление на фронте!

Вполне я смог оценить эту позицию комдива, лишь пройдя войну, наглядевшись иных примеров. И это еще один штрих к портрету фронтовых комдивов. Особые столовые, адъютанты, денщики, комендантский взвод, штабисты, писаря, комиссарская братия, особысты, связисты (чаще связистки), разведка, собственный транспорт, интенданты, непременно гарем или ППЖ (походно-полевая жена), армейская бюрократия – все это крепчайшим частоколом отделяло и оберегало полковника, генерала от командирской мелкоты. О рядовых и говорить нечего – попробуй пробейся!

Прошел всего месяц, а в дивизии не найти было человека, который не знал бы Андрея Филимоновича в лицо.

Всегда чисто выбритый, подтянутый, весь затянутый в армейские ремни, в новой армейской гимнастерке, на которой с левой стороны над карманом блестел новенький орден Красного Знамени, полученный за бои под Москвой, – комдив с утра до поздней ночи находился в батальонах и ротах, проверял, как и чему учат нас командиры. Чаще всего он бывал у

разведчиков и в отдельном саперном батальоне. Известно, что позднее разведка 215-й дивизии считалась одной из лучших в 30-й армии.

Общаясь с комдивом, командиры ценили его скрупулезность, желание не допустить малейшего просчета; он придерживался старого правила: семь раз отмерь – один раз отрежь. При этом с первого же дня жестко потребовал неукоснительного исполнения своих «указаний», так он называл личные приказы. Эти указания, чаще всего короткие, касались в основном учений, быта, поддержки уверенности и боевого духа бойцов.

С приходом Куприянова вся дивизия превратилась в серьезную военную школу. Комдив знал, что времени ему отпущено немного, и спешил успеть как можно лучше подготовить всех – рядовых и командиров – к предстоящим боям. Мы это понимали и старались вовсю. Понимали это и командиры. Когда мы видели рядом с собой в окопе, у пулемета, на танке командира взвода, роты, а нередко и батальона, хотелось лучше познать военное мастерство.

– Посылать вас на фронт необученными – значит, обманывать, предавать, – говорили нам командиры. – Так что не жалуйтесь и не обижайтесь – надо учиться и – учиться!

В своих воспоминаниях командующий Калининским фронтом И. С. Конев гордится тем, что впервые на его фронте пехотные части перешли от одиночных окопов и землянок к сплошным траншеям и блиндажам. За этот «передовой опыт» маршал Конев должен быть в первую очередь благодарен Куприянову. Комдив учил нас рыть траншеи и строить блиндажи не хуже немецких.

Скоро – наступление

С каждым днем росла боевая мощь дивизии. Со всех концов России к нам привозили новобранцев и новую технику. Прошло время бутылок с горючей смесью для уничтожения танков, солдат вооружили противотанковыми ружьями (ПТР) – они помогали отбиваться от легких танков противника, но, к сожалению, были громоздкими, их носили вдвоем на плечах. В ротах выросло количество пулеметов. В каждом полку сформировали, в основном из курсантов, по две роты – пулеметную и автоматчиков, – правда, автоматов не всем хватило, ждали, что вот-вот привезут. Создавалась полковая артиллерия, вся она была пока на конной тяге. Ожидали прибытия тягачей со 122-мм орудиями, такие орудия – грозная сила в боях. Врытые глубоко в траншеи, стояли тщательно замаскированные грузовые автомобили с реактивными установками – знаменитые «катюши». Немцы их почему-то называют «сталинскими органами» – от их залпового огня, рассказывали пленные, некоторые сходили с ума.

Нас, пехоту, вооружили самозарядными винтовками с ножевыми штыками и ручными пулеметами системы Дегтярева, мы их называли «дегтярями»; к сожалению, первые же бои показали, что магазин пулемета часто засорялся и не срабатывал. Рядовых немного приодели, выдали американские ботинки и заменили старые шинели на новые, сшитые из английского сукна.

Дивизия – это огромный живой организм. За два первых месяца она выросла до четырнадцати тысяч человек, то есть до полного штатного состава довоенного времени. Всех надо было кормить и одевать, заботиться о чистоте; постоянно держать в исправности тяжелое и легкое оружие. Поэтому появились такие части, как транспортный батальон, полевой хлебозавод, ружейная мастерская, прачечная – все это называлось «тылом дивизии».

Во главе полков и батальонов, как правило, старались поставить опытных командиров, побывавших в боях под Москвой, на гимнастерках многих из них блестели новенькие ордена и медали, – эти люди, их рассказы о боях под Москвой, награды, вызывали восхищение.

Слабым местом в дивизии оставалась проводная связь. Пройдет танк – взрыв, и связи нет, связисты принимаются за восстановление, и пока ее восстанавливают, управление боем потеряно. Между тем и тяжелая артиллерия, и танки, и самолеты – основные помощники пехоты – без радиосвязи слепы и глухи. Так было вплоть до сорок третьего и даже сорок четвертого, пока американцы не оснастили радиосвязью почти половину наших наземных частей и всю авиацию.

Изо дня в день мы, курсанты, проходили второй университет боевой подготовки. Теперь на занятиях командиры обращали основное внимание на необходимые практические навыки в овладении новой техникой. Часто проводились массированные смешанные учения в масштабе полка и даже дивизии, в которых одновременно участвовали танкисты и артиллеристы: мы взбирались на танки и вместе с ними шли в «наступление».

Батальоны часто поднимали по тревоге и направляли пешим ходом на участки фронта, находившиеся под угрозой. Когда тревожная обстановка стихала, нас возвращали обратно.

Летом ночи короткие; лежишь в палатке, слушаешь, как вдали гудит, бухает, грохочет... – там идет жизнь переднего края. Пройдет совсем немного времени, и нам предстоит вступить в нее. В короткие минуты отдыха я уходил в лес, выбирал где-нибудь место посуше и предавался воспоминаниям – прошлое не отпускало, хотя разумом я понимал, что давно уже живу в другом измерении.

С первых дней июля сорок второго пошли сильные дожди, ливни все чаще свирепо обрушивали потоки воды на землю, все вокруг превратилось в сплошное болото, но занятия

не прекращались. Мы ходили постоянно мокрые, измученные, но, понимая значение действий командиров, не роптали, знали: потерянный для обучения день здесь – на переднем крае уже не вернешь! Целые дни мы ползали по земле; нас учили, как быстрее и глубже зарываться в землю, как вести огонь на ходу, с бедра, как лучше оборудовать пулеметные гнезда, как не поддаваться панике на поле боя, как подавлять огневые точки противника. И это было еще далеко не все. Нам объясняли и показывали, как следует действовать, чтобы стремительно сблизиться с неприятелем, как в бою и в окопе уберечься от огня противника, как подниматься в атаку, как вести себя при налете вражеской авиации...

Тренировали нас буквально до изнеможения, и сначала курсанты растерялись: как же так – выходит, все, чему нас раньше учили, в боевых условиях бесполезно? Кто-то даже зло высказался:

– Послать бы тех командиров... повоевать, а уж потом позволять им учить курсантов!

Со временем растерянность стала проходить, сменяясь все большей уверенностью. Мне понравились слова одного из командиров:

– Запомните, ребята: риск всегда должен носить разумный характер.

Этому нас и учили.

И вот итог. Менее чем за три месяца в тверских лесах, чуть не под носом у противника, была создана новая боевая дивизия. Усилиями комдива разношерстная солдатская масса, собранная со всех концов России, часто вовсе не имевшая военной подготовки, превратилась в полноценную войсковую часть, приспособленную к боевой обстановке, оснащенную техникой, имеющую прочный тыл.

Самого комдива мне случилось видеть всего несколько раз и очень недолго. Но однажды он провел в нашем батальоне почти целый день. Открытый лоб, волосы зачесаны назад, с молодым лицом – в свои сорок с лишним он выглядел тридцатилетним, взгляд приветливый, но сосредоточенный, – казалось, в глазах заключена вся сила этого человека.

Общаясь с бойцами, он интересовался, как проходят занятия, знают ли люди оружие, умеют ли приспосабливаться к местности – в обороне и в наступлении. Привлекало его обращение к солдатам: «ребятки». В суровом жестоком сорок втором, когда физически и на душе часто становилось неумолимо, это чудное слово успокаивало и вызывало в душе ответную благодарность. Командиров и нас, рядовых, поразило его стремление понять собеседника, нельзя было не почувствовать его искренне-теплого отношения к людям.

Особенно тепло и внимательно Андрей Филимонович отнесся к курсантам, что было всеми замечено. Он расспрашивал нас об училище, готовности к боям, об освоении новой техники, интересовался, в чем мы нуждаемся, как нас кормят.

В конце дня собрали на поляне бойцов, и комдив провел беседу. Проанализировал состояние батальона, объяснил важность учений. Говорил он немного, больше отвечал на вопросы – спокойно, неторопливо; если сомневался, что его поняли, повторял сказанное; он был больше похож на учителя, чем на военачальника.

В заключение комдив объявил:

– Назначен день смотра батальона. Готовьтесь! Боевые учения – нелегкий труд, но дело это необходимое. В бою от нашего умения воевать будут зависеть ваша жизнь и общий успех.

Приказ № 227

Этот день – 30 июля 1942 года – трудно забыть. Командир батальона зачитал перед строем приказ Верховного Главнокомандующего. Это был приказ № 227 от 28 июля, известный под названием «Ни шагу назад!». Слушая страшные строки приказа, все точно окаменели – я видел, как побледнели лица стоящих в строю.

Отчаянное положение: «Отступить еще – значит загубить себя и загубить вместе с тем Родину». Как можно спокойно воспринять эти слова! Этот приказ, мне кажется, – самый правдивый и честный сталинский документ за годы войны. Комбат закончил чтение приказа словами: «В боях на юге сейчас решается судьба Отечества».

Вместе с воздействием на патриотические чувства солдат приказ предусматривал и карательные меры. Впервые после Гражданской войны в армии вводились штрафные роты – для солдат и штрафные батальоны – для командиров.

После войны Г. К. Жуков назвал приказ № 227 «позорным»: увидел в нем попытку Сталина переложить собственные просчеты на армию. Я считаю, что появление данного приказа было шагом своевременным и вынужденным. Приказ не был нацелен на расправу с отдельными командирами или солдатами, он угрожал только тем, кто позволит себе и другим отступить без приказа – будь то самый высокий военачальник или рядовой солдат. Требовались жесткие меры, чтобы бойцы и командиры поняли свою личную ответственность за судьбу страны.

Вечером в палатке все говорили о сталинском приказе. Одни хвалили, другие всю материли. Были и такие, кто плакал, узнав правду о положении на Южном фронте: в тех степях под Сталинградом, по которым теперь шагали немецкие солдаты и рвались к городу немецкие танки, жили их матери, жены, дети – что теперь с ними, какова их – судьба?

– Дожили, – сказал старый солдат, – немец уже до Волги допер.

Другой разразился грубой бранью:

– Дожили до...! Теперь не спотыкайся – сразу под ручки в штрафную...!

– А ты что хотел?! Пятимся, как раки! Куда дальше – на Урал? Забардачили, больно разбаловались!

– Что ж, по-твоему, дядя, под танки ложиться? – раздался молодой голос.

– Оно, Серафим, – ответил сосед, – конечно, приятнее лечь под бабу, но кто же будет танки жечь?

– Никогда русская армия не знала такого позорища – загонять пулеметами в штрафники.

Вошел в палатку командир роты Сухомиров, – вероятно, он услышал последнюю фразу, потому что сразу включился в разговор:

– Не волнуйтесь, ребята, никого не позволю отправить в штрафники. А знаете ли вы, что во время знаменитой Полтавской битвы со шведами Петр I подпирал своих grenадеров заградительным отрядом из киргизов?

Все сразу же замолчали, пораженные услышанным. Один все же спросил:

– Но победили-то шведов не благодаря заградотрядам, ведь так?

– Так! Защищали гренадеры Русскую землю от чужеземцев – вот и победили. Нам всем они – пример. А приказ надо так понимать: крайняя ситуация вызывает крайние меры.

– Даешь гарантию, комроты, – вступил в разговор Шурка, – что не пропадем под Ржевом, как швед под Полтавой?

– Мы же не шведы. Мы – русские! Ежели и пропадем, так землю свою спасем от чужеземцев.

На том и закончилось обсуждение сталинского приказа.

Несколько слов о штрафниках. Как теперь известно, их было около трехсот тысяч {Учет потерь в штрафных ротах и батальонах на фронте велся, мягко говоря, неточно.}. Я сам был свидетелем того, как штрафные части первыми неистово прорывали Восточный вал на Минском направлении. Сколько штрафных рот и батальонов получил для этой цели в свое распоряжение командующий 1-м Белорусским фронтом маршал Рокоссовский? Почти все они полегли. Но именно они помогли прорвать мощную эшелонированную оборону противника – семь рядов вражеских траншей! – и открыли дорогу танковым армиям. Хотя нельзя не отметить, что во многих случаях особые отделы, во власть которых были переданы штрафники, допускали полный произвол {«Штрафбат» глазами историка. «Новый меридиан», 2004, № 576.}.

Теперь мы знаем, что немцы выпускали аналогичные приказы: формировали штрафные роты, заградительные отряды, особые суды, усиливали подразделения полевой жандармерии, расширяли влияние войск СС на вермахт. Только в 1943 году на Восточном фронте германской армии было сформировано более ста штрафных рот.

Комдив и курсанты

Незадолго до выхода дивизии на передний край в полк неожиданно приехал Куприянов – встретиться с курсантами. Людей собралось много. Комдив оглядел всех и сказал:

– Переживаете, ребята, что не дали вам закончить училище?

– Обидно, товарищ комдив, нескладно вышло, – ответил кто-то из курсантов.

– Забудьте обиду, не мучайте себя. Сами теперь понимаете, как нуждается в вас фронт.

Мы обязаны выполнить приказ товарища Сталина – изгнать противника с Ржевско-Вяземского плацдарма и взять Ржев! Гитлер считает, что этот плацдарм – отличный трамплин для нового броска на Москву. Мы с вами не позволим ему это сделать. Я верю в вас! Вы – костяк дивизии. В ваших руках сильные огневые средства. От того, как вы ими распорядитесь в бою, зависит наш общий успех и его цена. Начнем воевать – уверен, многие из вас станут командирами взводов, рот, а возможно, и батальонов.

Отмечу три момента. Во-первых, подавляйте вражеские огневые точки. Во-вторых, я даю вам право проявлять любую инициативу. Если выйдет из строя командир, не ждите приказа, принимайте командование на себя. И третье: взаимодействуйте в бою с танками, как вас учили.

Еще хочу вам сказать о храбрости. В чем состоит храбрость и проницательность командира? У Льва Толстого в рассказе «Набег» офицер рассуждает, что храбрый человек ведет себя на поле боя «как следует»: «Храбрый тот, который боится того, чего надо бояться, а не того, чего не нужно бояться». Отнеситесь, ребята, со вниманием к этому простому и очень разумному совету. Есть вопросы?

– Хватит ли боеприпасов?

– Хватит. В сорок первом на миномет доставалось по десятку мин, сегодня – в десять раз больше.

– Как с техникой?

– У нас сильная артиллерия разных калибров. Много танков. Среди них лучшие, чем у немцев, – Т-34. Берегите их. Помогите, как можете, танкистам, а они защитят вас.

– Прикрытие с воздуха будет?

– Летчики обещали. Самолетов у немцев пока больше. Но так продолжаться будет недолго, вот увидите.

– А санитарная служба?

– Обеспечена. Дивизия имеет крепкий медсанбат. Нам прислали квалифицированных врачей и медсестер. Помогите на поле боя санитарам. Берегите командиров и своих товарищей. Не бойтесь крови. Но прошу учесть предыдущий опыт. В отдельных частях во время июльского наступления под предлогом помощи раненым многие бойцы бросали передовую, уходили в тыл. Такого нельзя допустить!

– Как поступать с военнопленными?

– Не расстреливать! Отправляйте их в тыл, там разберутся.

– Будут ли разминированы подходы к обороне противника?

– Непременно! Для пехоты сделают проходы шириной полтора метра, для танков – три метра.

– Такой вопрос, товарищ комдив. Известно, что в июльском наступлении некоторые комбаты повели свои части с развернутыми знаменами, как «белые» в «Чапаеве». А как у нас?

– Мне не известны такие факты. Я никому не разрешу подобной глупости.

Кто-то осмелился спросить насчет заградотрядов.

– Я вам доверяю, – ответил комдив. – Я просил командарма освободить дивизию от заградотряда.

Вот такая неожиданная встреча! Вскоре о ней знали во всех частях.

Забегая вперед, скажу: свои обещания комдив выполнил.

Комроты старший лейтенант Сухомиров

22 августа отменили занятия. Солдатский телеграф сообщил: комдив будет проводить смотр полков перед выходом на передний край.

Смотр продолжался целый день.

Вечером старший лейтенант Сухомиров собрал роту.

В лесу на одной из уютных полян под уходящим за горизонт солнцем расположилась вся рота: 129 рядовых и сержантов, 7 командиров – комроты Сухомиров, комиссар, три комвзвода, старшина и санинструктор. Всего числом – 136.

Сухомиров говорил с бойцами спокойно, словно ничего особенного не происходит, но каждый из нас почувствовал, что слова эти важны и даются ему непросто.

– Золотые мои, – начал командир, – послезавтра наша 215-я пойдет в наступление. Для многих из вас этот бой будет первым. Бессмертные! Первый бой для солдата – самый трудный, это боевое крещение. С него начинается и им утверждается священный солдатский долг – защита Родины! Противник силен. Но и вы за короткий срок стали опытнее, лучше подготовлены к схватке с врагом. Запомните! Если вы не убьете немца – он убьет вас! Здесь не может быть никаких колебаний. В атаке не паникуйте, старайтесь сохранять мужество. Нет ничего страшнее страха. Не поддавайтесь ему! Только мышшь всего боится. Мы не умирать сюда пришли! Освободить свою родную землю! Я поведу вас в бой. Я буду с вами! Рядом будут все, кого вы уже хорошо знаете, с кем уже многое испытали! Мы все будем вместе!

Бойцы слушали командира, затаив дыхание, ловили каждое слово, словно станет оно броней и защитой в предстоящем бою.

Когда он смолк, воцарилось молчание.

Первым поднялся Михаил, бывалый солдат из второго взвода. Уважали его прежде всего за честность и открытость, за стремление отстаивать свое право на веру. Человек он религиозный – об этом все знали и больше уважали «старика», чем зубоскалили. Комиссар как-то предложил красноармейцу «убрать подальше» крестик, с которым тот прибыл в роту. Михаил крестик не снял. По комплекции он был тоже особенный – тощий, как выструганная палка, даже лицо вытянутое, за что и был прозван «не в коня корм»: сколько бы ни ел, оставался худющим – такая натура. Михаил нередко чудил. Но в этот раз учудил такое, что вся рота ахнула:

– Товарищ старший лейтенант, спасибо за доброе отеческое напутствие. Не подведем вас. Останусь жив – век не забуду такие добрые слова. В одном, извините, не согласен. Вы, товарищ старший лейтенант, назвали нас бессмертными. Уж извините, бессмертен, известно, один только бог, а мы, простые люди, – все смертны. Страшиться же смерти не следует. Вся жизнь человека, какой бы она ни оказалась, короткой или долгой, есть подготовка к встрече с Всевышним. Разве не так? Извините, товарищ командир, комиссар и все товарищи солдаты.

Сухомиров улыбнулся:

– Есть поговорка: кто смерти боится, тот уже не живет. Разве не так, Михаил?

Сухомиров предложил задавать вопросы. Кто-то тут же спросил:

– Товарищ старший лейтенант, а как бы этак сделать, чтобы и воевать получше, и живым остаться?

Ответил солдату комиссар:

– В бою не рассуждают, в бою все мысли нацелены на одно: уничтожить врага. Гони его, убивай – вот и останешься живым.

По сути примитивный и бодренький совет породил сомнения: все так говорят. Сколько раз мы слышали: «Убей немца!» Но попробуй добраться до немца, чтоб его убить. Сколько времени два фронта – махина! – не могут ухватить противника...

Вопросов вышло много, но все они сводились к трем основным: будет ли танковая поддержка, сумеет ли артиллерия подавить огневые точки противника и почему до сих пор, почти восемь месяцев, мы никак не возьмем Ржев.

– Я очень надеюсь на артиллерию и реактивные установки. Танки будут – у нас их теперь больше, чем у немцев. О Ржеве. Немцы давно засели в городе, окопались, укрепились, оборона немецкая – сильная, поэтому ее до сих пор не прорвали.

Завершая собрание, Сухомиров сказал:

– Завтра вечером выступаем, так что спать не придется, отсыпайтесь сегодня. День завтра – на сборы. Ночью выдвинемся к передовой, займем указанное расположение. Утром начнется общее наступление. Готовьтесь и поддержите друг друга, обращаюсь прежде всего к опытным фронтовикам.

Ночь перед выходом на рубеж

Ушли командиры – и все как-то примолкли, задумались. Почти сто дней, то есть с конца мая, дивизия находилась в резерве армии, почти сто дней мы готовились к предстоящему, ждали этого события – кто с нетерпением, кто показно-патриотически, кто-то с ужасом... И вот: время пришло.

– Чего закручинились, не видно и не слышно, будто камешки на дне реки?! – попробовал расшевелить всех чей-то громкий, нарочито бодрый голос.

Никто не отозвался. Никто не поддержал.

Дымили самокрутки, разговаривали тихо, будто берегли голос – время придет, вот тогда накричишься! Как всегда бывает в психологически сложной обстановке, люди вели себя по-разному. Оптимисты болтали всякую чепуху, посмеивались, шутили, вспоминали веселые истории. Другие помалкивали, тяжело и печально вздыхая. Многие старались даже в мелочах выказать друг другу больше внимания. Говорят: «Если хочешь подбодрить себя, подбодри своего товарища», – наверное, интуитивно следуя этому правилу, мы так и поступали. Обменивались адресами: «Если что, напиши моим». Вспоминали самые важные события из прошлой жизни. Дарили на память простые, но дорогие для солдата вещи. Мне, например, подарили самодельный алюминиевый портсигар – берегу его и по сей день.

Я видел, как некоторые погружались во что-то глубоко личное, им не хотелось разговаривать, но и сон не шел. Один вдруг вспомнил, что сегодня его день рождения – исполнилось девятнадцать! – и принялся ворошить вслух то, о чем, может, стоило бы забыть, особенно в эту последнюю ночь в лагере, мало ли что ждет...

– Почему молчишь, о чем думаешь? – спросил я молодого татарина Шакура – пулеметчика из нашего отделения.

Он бодро ответил:

– Как бы «дегтярь» не подвел. Немцев побольше стрелять.

Возможно, он говорил неправду: я слышал вчера, как он страстно молился, просил помочь Всевышнего.

Бывалый фронтовик обратился к нам, зеленым:

– Ежели пойдем завтра в атаку, то надо смело идти или бежать вперед. Ни в коем разе, ребята, не ложитесь! От земли тогда никак не оторвешься. Мой ротный, помню, предупредил: «Расстреляю всех, кто заляжет!»

– Ну и что, пострелял?

– Было дело, несколькими взрезал. С тех пор больше не ложились. Поглядим, как завтра наш ротный сообразит, коли дело не заладится. От приказа никуда не уйдешь.

Я вмешался, стараясь убедить людей:

– Старший лейтенант в солдата стрелять никогда не станет!

В ту ночь мы лежали рядом с Шуркой, и он рассказал мне самое сокровенное, то, что многие годы скрывал от всех. В 30-е, когда советская власть раскачивала казачество, чекисты, скорее всего по доносу, откопали в огороде их дома отцову шашку, что хранилась там со времен Гражданской войны. Отца забрали и расстреляли, а мать сослали. Когда Шурку призвали в армию, он скрыл свою историю. Восьмилетнего Шурку взяла к себе родная сестра матери, жившая в соседней станице. Дом разграбили. Шурка тайком в самую рань выходил в степь и выл, как волк, звал отца и мать, проклинал тех, кто их загубил. А потом переехал в Шуркин дом главный партийный заправила станицы. Через месяц ночью дом сгорел, похоронив под своими развалинами большевика-станичника, его жену и двоих детей. Следствие тянулось больше года. Так и не дознались, кто пустил «красного петуха».

Пришла моя очередь исповедаться, я начал рассказывать:

– Учился я скверно, больше читал книжки да играл в футбол...

Шурка перебил:

– А я книжек не читал. Жизнь веселее, чем книжки. И в футбол не играл. Я – больше по части девок. Мальчишкой ладил бродить по станице: если выпадал случай, не пропускал окна без занавесок, засматривался на молодух, как замороженный глядел на белые груди... Так билось сердце! Сколько девок перепробовал! Наши русские девки – самые ласковые, самые добрые на всем свете, умею только подойти к ним. Правда, как-то попалась шальная, о таких у нас, казаков, говорят: «Баба – выбей окна!»; не дала...

– Не понял, как ты сказал? Первый раз слышу... – тихонько засмеялся я.

Шурка пояснил, и я продолжил о себе:

– В тридцать седьмом отца арестовали, а нас с мамой выбросили в сырую развалюху. Маму выгнали с работы. Я бросил школу и пошел работать учеником кинемеханика в «Ударник», – это у нас в Харькове один из лучших кинотеатров. Жили мы с мамой на мой заработок – рубль в день. Я и мой напарник таскали коробки с частями фильмов. Один и тот же фильм шел в двух кинотеатрах; мы с напарником встречались на середине пути, у Горбатого моста в центре города, напарник возвращал мне, скажем, коробку с первой частью, а я передавал ему третью. Так мы бегали целый день, поэтому нас прозвали «бегунками». Отец чудом уцелел. В тридцать девятом он вернулся. В январе сорок первого мы переехали в Москву. Отец заставил меня уйти с работы и закончить школу.

– А когда ты в комсомол вступил?

– В тридцать восьмом, еще в Харькове.

– Как же так? Отец в тюрьме, а ты – в комсомол! – возмутился Шурка.

– Во время приема в райкоме комсомола спросили: «Твой отец – враг народа?» Я ответил: «Следствие еще не закончено». Не хотели принимать, совещались долго, но все-таки приняли. Может, поэтому, со зла, я и вступил. А может, просто как все...

– Слышишь, комсомолия, говоришь: «как все»? Врешь! Меня еще похлеще, чем тебя, заманивали. Хрен им в зубы! Ладно, очистили души. Теперь давай начистоту о завтрашнем дне. За что мы пойдем с тобой в бой? За злодеев, что убили моего отца и твоего чуть не прихлопнули? За пионерский галстук Павлика Морозова или за твою комсомолию?

В самом деле, зачем я вступил в комсомол? Смешно, лишь сейчас, накануне боя, я серьезно задумался об этом. О карьере мы тогда не думали. От судьбы комсомольский билет спасти никак не мог – и с партийным билетом скольких расстреливали. По идейным соображениям? Какие в том возрасте могли быть идеи? Все-таки зачем? А в атаке коммунисты и комсомольцы должны быть в первых рядах, чтобы отдать жизнь во имя?.. Ответил я Шурке иначе:

– Мы же с тобой, Шурка, присягали защищать Родину.

– Любопытно, какую Родину ты собираешься защищать? Что предала наших отцов и матерей? По мне, самый распрекраснейший денек будет, когда я пристукну хоть одного комиссара или чекиста-особиста. Да они, суки, не очень лезут в пекло. Нет, мил человек, я пойду в бой против чужаков, кто полез на Русскую землю и насилует наших девок. Мой дед-казак и отец-казак всегда были опорой Отечества. Вот за Отечество мне не страшно жизнь положить. Только помирать нам с тобой никак нельзя – надо еще пожить! Ты нерусский, но наше русское Отечество тебе дорого, как и мне, я знаю.

Не забыть те живые, до боли искренние слова и чувства, испытанные в момент, когда оставалось «до смерти четыре шага»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.